

УДК 811.512.145

ФИННО-УГОРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В БЫТОВОЙ ЛЕКСИКЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

И.С. Насипов

Аннотация

В статье анализируются заимствования из марийского, удмуртского и мордовских языков в бытовой лексике татарского языка, относящиеся к названиям домашней обстановки (мебели, посуды, домашней утвари). Все рассмотренные лексические единицы употребляются только в говорах.

Ключевые слова: языковые контакты, заимствования в татарском языке, финно-угорские заимствования, марийские заимствования, мордовские заимствования, удмуртские заимствования.

Татары в процессе исторического развития вступали в интенсивные и длительные связи с угро-финнами, прежде всего с удмуртами, марийцами и мордвой. Их многовековые политические, экономические и культурные взаимоотношения нашли отражение в словарном составе этих языков.

Общие вопросы тюркских и финно-угорских языковых контактов получили освещение в многочисленных публикациях. Например, удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи нашли отражение в работах П. Андреева, В.И. Алатырева, В.К. Кельмакова, Р.Ш. Насибуллина, И.В. Тараканова и др. Материалы по марийско-тюркским языковым контактам можно почерпнуть в работах Ф.Е. Егорова, Р.Е. Пенгитова, Д.Е. Казанцева, Ф.И. Гордеева, И.С. Галкина и др. Мордовско-тюркские контакты изучались А.П. Феоктистовым, М.Е. Евсевьевой, Д.В. Цыганкиным, Н.А. Агафоновой и др.

Наиболее изученными являются тюркские заимствования в марийском, удмуртском и мордовских (мокша, эрзя) языках. В наибольшей степени тюркскому влиянию подверглись марийский и удмуртский языки. В марийском языке зафиксировано более трех тысяч татарских лексических единиц, в удмуртском – около двух тысяч, а в современных мордовских языках – около четырехсот лексем тюркского происхождения. На марийский и удмуртский языки наибольшее влияние оказали говоры среднего диалекта татарского языка, мордовский интенсивнее взаимодействовал с говорами западного диалекта. Возможно, тюркских заимствований в этих языках было значительно больше, но многие из них в более позднее время были вытеснены словами из русского языка.

Таким образом, татарские заимствования в восточных финно-угорских языках представлены большим количеством примеров. Они детально изучены на всех уровнях языка.

Финно-угорские заимствования в татарском языке нашли отражение в работах Л.Ш. Арсланова, Р.Г. Ахметьянова, Ф.С. Баязитовой, Л.Т. Махмутовой, Д.Б. Рамазановой, Т.Х. Хайрутдиновой и др. Полезными являются исследования башкирских и чувашских ученых по данной тематике: В.Г. Егорова, Н.Х. Ишбулатова, Н.Х. Максютковой, С.Ф. Миржановой и др.

Территория финно-угорских и тюркских языковых контактов раньше охватывала, возможно, большие площади, чем сегодня. Это подтверждается ономастическими исследованиями Л.Ш. Арсланова, З.Ф. Ахатовой, Ф.Г. Гариповой, Г.Ф. Саттарова, Ф.Г. Хисамутдиновой и др.

Несмотря на это, финно-угорские заимствования в татарском языкознании до сих пор не подвергались специальному системному изучению. Те лексические единицы, которые зафиксированы в указанных выше источниках, нуждаются в систематизации, классификации, научном анализе и монографическом описании.

В настоящей статье предметом исследования стали финно-угорские заимствования в бытовой лексике татарского языка.

Домашняя обстановка, мебель

Бүкән бир., перм., к.-уф., пар., нагорн.-трх., злт., менз., *букен, пукен* глз., нокр. *пукин* «табуретка», м.-кар., ичк. «сидение вообще, стул, табурет», «стул из обруба дерева», «чурбан, пенек», «стойка бревенчатого дома», пар. *бүкен киезе* «подстилка для стула». *Абыйыңа бүкән китер, басып тор қый. – Брату принеси табуретку, а сам постой. – к.-уф. Каз пуйысын ереп тутырлар, козлар утырлар, козлар утырганда пүкингә асларына салалар, ул шартлап йарыла, кызык табалар. – Гусиные пузыри надувают, девушки садятся, когда девушки садятся на табуретки, незаметно подкладывают под них, пузыри лопаются, смешным находят. – нокр.*

Башк. *бүкән* «короткий чурбан из обруба дерева»; диал. *бүкән* «табуретка», «стул», «пенёк», «обрубок, чурбан», «подушка у телеги», «ступица», «нащепы (у саней и телеги)»; «сепараторный барабан», «гири у часов»; «пук (рябины)». Чув. *пукан, покан* первоначально «чурбан», «обрубок дерева», «стул», «табуретка», «гиря (у весов и часов)» [1, с. 441].

Общеизвестно, что слово *бүкән* является заимствованием из финно-угорских языков: ср. мар. *пүкен* «стул»; удм. *пукон* «стул, табуретка»; коми. диал. *пукан джек* «детский стульчик»; удм. *пукыны* «сидеть»; коми *пукони, пукавны, пукалны, пукны* «сидеть»; коми-перм. *пукавны* «сидеть»; мар. *пүташ* «высидивать птенцов, сидеть на яйцах», *пүтыш цывы* «наседка-курица».

По мнению Ю. Вихмана, В.Г. Егорова, И.В. Тараканова и др., в татарский язык слово заимствовано из удмуртского; Л.Ш. Арсланов, Н.И. Исанбаев не исключают, «...что оно попало в татарский язык из марийского, о чем свидетельствует его фонетический облик (переднерядный гласный у)...». В то же время Ю. Вихман не исключает возможность его происхождения из чувашского. Этого же мнения придерживаются В.И. Лыткин и В.И. Гуляев [2, с. 163; 3, с. 145–175; 4, с. 107; 5, с. 232].

Р.Г. Ахметьянов образование *бүкән* «чурбан; табурет; стойка бревенчатого дома» связывает с корнем *бүг // бүк* «вздутость», «кочка»; ср. монг. *богоно, богони* «низкорослый человек», *бөкөн* «горбатый», бурят. *бүхэн* «горб»; в то же

время он не отрицает связи этого слова с финно-угорскими языками, сравнивая с мар. *пӧкэн, пукен*, удм. *пукэм, пукон* «стул» [6, с. 150].

Патре балез., *пәтери* глз., *пәтрэ* нокр. «чердак, подволока», *пәтери баскыч* глз. «чердачная лестница». *Пәтеригә мендереп куйабыз итекларни*. – Сапоги поднимаем на чердак. – глз. *Пәтери баскыч аска кереп качтым*. – Спрятался под чердачную лестницу. – глз. Ср. удм. *патра*, диал. *петра* «предамбарник», «чердак») [3, с. 166; 7, с. 130].

Покмáр тмн., *пукмар* м.-кар., *пот'мáр* кузн., *пут'мáр* срг., *пупмар* м.-кар. «небольшие нары, устроенные напротив или наискосок от шестка печи и служащие одновременно кухонным столом и шкафчиком для посуды», «буфет для посуды», *пут'мáр* карс. «ящик, устроенный на кухне с шестком печи и служащий для хранения картошки». *Чыланда була пупмар, ни дә булса картук куйа торган*. – В чулане бывает пупмар, в котором хранят картошку. – карс. Ср. морд. э. *потмар* «шкаф для посуды»; морд. м. *пóтмар* «ящик под лавкой для посуды». Не следует путать морд. *потмар* с мишарским *пут'ымар/путемар/пупмар/бут'* «женское украшение» (лит. *хәситә*) [8, с. 157; 9, с. 33, 84; 10, с. 298].

Тәңгәл држ., трбс., *тәнкел, тәнкәл, тәңкәл* заказн.-дуб., заказн.-атн., нагорн.-крш. «стул, табуретка». *Син икенче тәңгәлгә утыр, моны миңа бир*. – Ты садись на другой стул, а этот отдай мне. – трбс.

В татарском диалектологическом словаре эти слова зафиксированы как заимствованные из чувашского языка: ср. *тенкел, тенкёл* «скамейка», диал. «стул», «школьная парта»; «скамейка для катания с горы». Л.Ш. Арсланов, Н.И. Исанбаев считают, что это верно только для дрожжановского говора татарского языка. Что касается заказанских говоров, то они восприняли их непосредственно из марийского языка: ср. мар. *тенгыл* «скамейка» [4, с. 158]. Солидарен с ними и В.Г. Егоров: «...В древности тюрки не пользовались скамейками и стульями; кочуя в обширных (безлесных) степях, они не имели возможности изготовлять их (без леса); в новое же время как саму скамейку, так и слово для нее восприняли от русских, а турки – от балканских славян: тат. *скамья*, башк. *скәмйә*, азерб. *скамя*, тур. *искемле*; ср. кирг. *отургуч*, казах. *отыргыш* и т. д. Чуваши *тенкел*, вероятно, заимствовали от марийцев...» [2, с. 242].

Поддерживает это мнение и М.Р. Федотов, который ставит в один ряд с тат. *тәңгәл*, чув. *тенкел* другие тюркские соответствия: тат., башк. *тәңгәл* «место» [11, с. 207]. Ср. тат. лит. *тәгәл* «соответствующий», «тождественный», диал. гай. «точно, точь-в-точь», ичк., к.-уф., гай. «прямо», минз., злт., кргл. «место», гай., минз., стрл. «напротив», *тәңкәл* тпк. «время», «напротив».

Лавсә, лавча, ылауча м.-кар. «верхняя полка на небольших нарах, служащих одновременно кухонным столом и шкафчиком для посуды». *Икмәк көрәге лавчада гына тора*. – Хлебная лопатка лежит на верхней полке нар. В татарском языке из мордовского: морд. э. *лався* «кухонный шкафчик»; *лався, лався лонга* «полка», морд.м. *лавця* «полка», «широкая скамья для складывания одежды», «донце (ткацк.)». В мордовском языке считается заимствованным из русского *лавица*, связанное с *лава* «мостик», *лавка* «скамья» [11 с. 192–193]. Ср. рус., укр., блр., *лава*, болг. *лавица* «скамья», словен. *láva* «низкий буфет, сервант», < др.-рус. *лавъка* «скамья» [12, с. 444; 13, с. 206]. У мордвы-каратаев в этом же значении употребляется *ләпәнә*.

Лапанә м.-кар. «верхняя полка на небольших нарах (путмара), устроенных наискосок от шестка печи, служащих одновременно кухонным столом и шкафчиком для посуды», «просто полка», «вторая полка путмара». *Бусы ләпанә, лався дисән дә жәрый.* – *Это лапана, можно назвать и лався.* Ср. морд. *лапана* «(обычно открытая) полка в простенке» [9, с. 33, 46; 10, с. 298].

Сирак нокр., глз. «угол (помещения, дома)», *серек, сирек, сәрәк* глз., нокр., балез. «угол, пересечение двух улиц; перекресток», *сирәк* нокр., глз. «угол (помещения, дома)», глз. «край, сторона». *Олча сиректе безнекесе бақча.* – *На углу этой улицы наш сад.* – глз. Ср. удм. *сэрег* «угол, уголок» [3, с. 166; 14, с. 55–56]. В нукратском говоре *мөгөш*; «угол», ср. *мөгөш* чст., злт., *мийеш* минз., стрл. «угол».

Посуда, домашняя утварь

Ләнгәз нагорн., чст., *ләнгәч* чст., чпр. «посуда для хранения меда», *ләнгәц* чст. «квашня», *ләнгәч* чст. «деревянная посуда для соли», чст., чпр. «посуда для хранения меда», *эләнгәц* чпр. «маленькая деревянная кадушка для квашения теста из пшеничной муки», крг.-миш. «деревянная посуда для квашеного молока, катыка», *эләнгәч* чст. «маленькая деревянная кадушка для квашения теста из пшеничной муки», *эләнгәз* нагорн. «небольшая кадка, изготовленная из полого ствола дерева для хранения меда, соли, квашения теста из пшеничной муки», *ләңгәс* «небольшая кадка из полого дерева» *Күмәчеңне пичкә тыққач уқ эләнгәзеңне жууып қуй, ату икенче жулы изгәндә қамырың әче булып.* – *Как только калач положил в печку, сразу же нужно квашню помыть, а то следующий раз тесто окажется кислым.* – кам.-уст.

Башк. диал. *ләңкәс* «четырёхлитровый деревянный сосуд», «лагун», чув. *ленкес* «деревянное ведро; деревянная долбленая посуда». Ср. башк. диал. *эләнгәс, эләңгәс* «помост для сушки курута», рус. диал. (вят.) *лянгәс* «долгий бурак, высокий туес» [15, с. 741; 12, с. 552]. Мар.г. *ләңгыш* «деревянная кадушка», «ведро», мар.л. *ленгыж* «кадка»; ср. еще коми *лянӧс* «подойник»; удм. *ля-нәс* «туес, бурак (берестяная посуда цилиндрической формы)»; хант. *йинет* «круглая корзина»; эст. *lännik* «кадка (высокая деревянная посуда)»; общеперм. *лаҗес* «вид цилиндрической посуды» [5, с. 166; 3, с. 162; 4, с. 110; 10, с. 14; 12, с. 158].

И.В. Тараканов считает чув. слово *ленкес* заимствованным из удмуртского языка, Л.Ш. Арсланов, Н.И. Исанбаев тат. *ләңгәч* относят к марийским заимствованиям [3, с. 162; 4, с. 110]. М.Р. Федотов со ссылкой на В.И. Лыткина считает, что «рассматриваемое слово является производным от *лян*, ср. коми-перм *лян* «созоватый, имеющий гнилую сердцевину, созину», *лянеда пу* «дерево с гнилой сердцевиной» [1, с. 337].

В татарском языке зафиксировано слово *тозләңгәч* м.-кар., чст. «деревянная цилиндрическая посуда для соли» (от *тоз* «соль» + *ләңгәч* «деревянная посуда») [9, с. 84].

Лыбы заказн.-крш. «сумка из липовой коры». *Лыбыны қурыстан жасыйлар.* – *Лыбы делают из лыка.* – заказн.-крш. Ср. дубьяз. *тимүшкә* «сплетенная из лыка сумка или мешок» [10, с. 36].

Чув. *лăпă* «корзинка для сена, сплетенная из прутьев», «кузов, сплетенный из лыка»; у М.Р. Федотова со ссылкой на Н.И. Ашмарина чув. *лăпă* «глубокая корзина из прутьев; ее верхний край – из деревянного обруча, а низ – из редкого веревочного плетения, сквозь которое ягнята вытаскивают корм» [1, с. 335]. Р.Г. Ахметьянов, в отличие от Т.Х. Хайрутдиновой, не связывает *лыбы* с рус. *липа* [6, с. 143; 1, с. 335; 10, с. 36]. Считается, что слово заимствовано из марийского языка [2, с. 127]. Ср. мар. *лупо* «куча хвороста, валежника») [4, с. 109].

Мошко глз. «берестяная люлька, в которой носили ребенка на спине», «берестяное ведро»: *Аркага асып йерде мошко, дурт пычмаклы ул, бала йата анда. – На спине носили люльку, она четырехугольная, ребенок лежит в ней. Мошко туздан ясалган була, күрсәтермен менә келәттә. – Мошко делают из бересты, покажу сейчас в клетки.*

Печтер перм. «лукошко, кузовок из лубка». *Печтергә салып-салып аласың зернаны, салып-салып барасың. – В лукошке хранишь зерно, постепенно наполняешь.* – перм. Ср. сиб. тат. *пистер* (тюм.) «корзина». Зафиксированы ещё и другие фонетические и семантические варианты этого слова (см. *биштәр*).

Башк. диал. *бистеркә* «корзина, плетенная из ивы», *пистер* «плетенный сундук».

Т.Х. Хайрутдинова *биштәр, печтәр, печтер, пичтәр* возводит к рус. *пестерь* [10, с. 35–36]. В других источниках, в свою очередь, рус. *пестерь, пещерь, пехтер, пихтер, пестёрка* считают заимствованным из исчезнувших финно-угорских языков, связанных с мар. *пöштыр, пешыр, пуштыр* «пестерь» [15, с. 260; 16, с. 250; 17, с. 445]. Более полный список русских вариантов и заимствований из русского в языках Сибири см. у А.Е. Аникина [18, с. 444; 17, с. 445–446].

Р.Г. Ахметьянов приводит несколько других сопоставлений: перс. *bistar*, урду. *bistara* (Platts) «полог, ковер», «заплечная ноша»; тадж. *пуштора, пуштара* «заплечная ноша»; а мар. *пуштыр, пöштыр* «заплечная ноша» может быть результатом контаминации [6, с. 129].

Сәүрә, *сәүри* нокр., *сәүре* глз. «бурак, маленькое ведерко из бересты для квашеного молока». *Бер сәүрә қатық ясадым. – Сделал целое ведерко катыка.* – нокр. Сравнивается с удм. *сарба, сарва* «бурак, маленькое ведерко из бересты», «туес» [3, с. 166; 10, с. 33].

Интересный обряд существует у удмуртов, которые бросали *сарба, сарва* «бураки» и другую домашнюю утварь в определенное место, поминая усопших. Место это называлось *сарва куян инты*.

Туйыз перм., трбс., менз. «береста». *Қайыннан туйыз төшерәләр. – С березы сдирают бересту.* – перм. См. *тырыс*.

Тырыс «кузовок, кузовок из бересты», «туес, туесок». *Тырыс тутырып жыләк жыйдым ярлар өчен. – Полный кузовок ягод собрал для любимой.* Башк. уст. *тырыз* «берестяная посуда типа кузовка, с крышкой и с дужкой из веревки»; чув. *тăрăс* «род бурака» [11, с. 197]; рус. диал. сиб. *ту́есь*, кстр. *туэсь*, влад. *туйсь*, перм. *туясь*, вят. *ту́езь*, арханг. *ту́юс*, рязн. *ту́зик* «бурак, бурачок, берестяная кубышка, с тугой крышкой и со скобой или дужкой» [18, с. 863, 864, 865].

В тюркских языках считается заимствованием из финно-угорских языков: из удмуртского – *туй* «береста, берестовый»; из коми и удмуртского языков, ср. рус. *туес* «коробка из бересты с деревянной крышкой для яиц, молока, муки, сливок, соли, грибов, ягод» из коми *tujes, tujis*, удм. *tujī* тж. [19, с. 115; 11, с. 197]. И.В. Тараканов считает башк. *тырыз* из удм. *туй* «берёста; берёстовый», *туйыс* «туесок», «туесок из бересты» [3, с. 168].

Нам кажется, *туйыз* и *тырыс* – две самостоятельные лексические единицы, обе заимствованные из финно-угорских языков. Тат. диал. *туйыз* перм., трбс., менз. «береста», башк. диал. *туйыз* «кузов», «береста», «туесок из бересты», из коми *туйыс* «туесок», «туесок из бересты», удм. *туй* «берёста; берёстовый, берестяной». По мнению А.Е. Аникина, манс. *tujis* «круглый короб из березовой коры, туесок», хант. *tujes, tujaskə, tajaskə* «туес, берестяной короб», «табакерка», якут. *tūjas* «туес с крышкой, берестяной бурак, кузов», коми *tujis* «бурак» заимствованы из рус. *туес*, восходящий к др. коми **tojis* «туес» < о.-перм. **tojis* < уральск. **tojə* «береста», ср. финн. *tujainen* «маленькая фляга из бересты», удм. *туй* «береста» [17, с. 618–619].

Коми *туйис* «бурак, цилиндрическая берестяная посуда» В.И. Лыткин и В.И. Гуляев считают производным от слова *той* «береста», которое сохранилось в составе *солань-той, солаль-той* «солоница», то есть «солонка (берестяная посуда для соли)». В современном коми языке «береста» выражается словом *сюмөд*, а исконное *той* вышло из употребления. Коми-зырянское слово *туйис* (орф. *туис*) «бурак», возможно, обратное заимствование из севернорусских диалектов. Ср. удм. *туй* «береста» [5, с. 280].

Тат. *тырыс* «кузовок из бересты», башк. *тырыз* «кузовок, кузов, короб из бересты», чув. *тйрйс* «бурак, туес», «берестяной короб» из марийского языка: ср. мар. в. *тырыс* «кузовок из бересты для ягод» [4, с. 111]. Однако тат. *тырыс*, башк. *тырыз*, как и тат. *турсык* «ларец», «кузовок», «небольшой мешок (из цельного куска кожи мелких животных)», башк. *турһык* «небольшая посуда из кожи (типа мешочка)», диал. *турсык* «бурдюк», алт., кирг. *торсуқ* «бурдюк для хранения и перевозки жидкости», ног., к. калп. *торсык* «посуда из кожи», якут. *турсуқ* «небольшое ведро (подойник) из кожи, используемое при изготовлении кумыса», могут быть и от **тйрйс* < *турс* «березовое вздутие, шишка». Ср. рус. *турсуқ* «малый кожаный мех для кумыса», «бурдюк» [17, с. 624; 18, с. 444, 557, 571–572; 19, с. 125].

Пуйы (удм.) «ламповое стекло» [7, с. 130].

Шабалка, *шабала* нокр., глз. «половник». *Қызалдычларны кейәү шабалка белән қасаға (ысла) сала-сала сыйлап йөрөй.* – *Девушек, сопровождающих невесту в дом, жених угощает из половника.* Н.Б. Бурганова тат. *шабалка*, И.В. Тараканов башк. диал. *шабала* «дуршлаг», «совок», «лопатка, которой очищают лемех во время пахоты», «предплужник» считают заимствованным из удмуртского (*шабала* «лемех») [3, с. 168; 14, с. 55–56]. В первой книге «Диалектологического словаря татарского языка» *шабалка* обозначена как заимствование из удмуртского, *шабала* «железный совок с отверстиями» – из русского; во второй книге *шабалка*, а также во втором томе «Словаря башкирского языка» *шабала* – как заимствование из русского. Учитывая рус. диал. *шабала́*, *ша(е)ба́лка* кострм., перм. «всякая щепная посуда, ковш, чашка и др.», «кашик,

шумовка, большая дырчатая ложка, плоская поваренка, которой снимают пену, достают сваренные яйца, пельмени и др.», «баклуша, осиновый чурбан, из которой точат щепную посуду», вят. «сошной отвал, полица», можно считать слово заимствованным из удмуртского. Ср. удм. *шабала* «отвал (в плуге)»; коми *шабала* «сошный отвал». В коми языке и в удмуртском считается из чув. *šabala* [13]. То же у М. Фасмера: рус. *шабала́* вят. «отвал плуга», кострм., перм. «шумовка» со ссылкой на М. Ряснену отмечено как заимствованное из чув. *шебала, себала* «ложка, черпак» [19, с. 391]. Это предположение поддерживает Т.Х. Хайрутдинова [10, с. 46].

Шабала крг.-миш., нгб.-крш. «железный совок с отверстиями», минз. «палка с развилинами, применяемая для замешивания месива, корма для скота» [1, с. 509], рус. диал. *шабала́, шебала́* рязн., тамб. «лоскут, тряпка», архнг. «чурка», «башка (ругат.)», южн. *шабала́, шабалда́* «болтун, врун» [18, с. 1383–1389; 19, с. 390]. Возможно, образованы от неизвестного глагола *шаб/шеб* «расщеплять, выдалбливать», «копать, вычерпывать». Ср. тат. *чабагач*, бир., закзн.-блт. *шабагач* «цеп: специальный инвентарь для молотбы снопов, сделанный из длинной жерди с железной цепью на конце», минз. *чабагач/шабагач* «цеп», «специальная лопатка с железным обручем для вытаскивания из печи горошка», баш. *шыбагас* «цеп: специальный инвентарь для молотбы снопов, сделанный из длинной жерди с железной цепью на конце», «ось челнока». Ср. также общ. тюрк. *шабала* «ложка, лопата», чув. *шабала, сапала*, алт. *чабала, самнак*, хакас. диал. *самалак, санмак*, тув. *шопулак, шамлак*, тур. *сапылык* «ложка», «шумовка с длинной ручкой», узб. *сопол*, др.-тюрк. *сапал* «половник» от др.-тюрк. основы *сап-/сапы-* «работать с ковшом или лопатой».

Шанчек м.-кар., нагрн.-крш. «короб, сундучок, сделанный из липы». *Кэзер сындык дибез, элек шанчек дигэннэр. – Сегодня говорим сундук, раньше говорили шанчек. – м.-кар.* [9, с. 83].

Таковы основные финно-угорские заимствования в татарском языке, относящиеся к бытовой лексике. Необходимо отметить, что татарские названия предметов домашнего обихода и связанные с ними термины в большинстве своем представлены исконными словами. Среди заимствованной бытовой лексики большинство слов проникли в татарский язык из русского, арабского и персидского языков, а слова из финно-угорских языков представляют небольшой пласт. Несмотря на это, наличие терминов финно-угорского происхождения, связанных с домашним обиходом, указывает на древние тесные культурно-экономические связи татарского населения с марийцами, мордвой и удмуртами.

Большая часть рассмотренных нами заимствованных слов носят локальный характер. Сферы употребления и распространения этих лексем не всегда одинаковы: одни характерны для нескольких говоров, другие функционируют лишь в определенном регионе. Фиксация того или иного слова, относящегося к терминам домашнего быта, зависит, прежде всего, от особенностей этнолингвистического контакта отдельной группы татар с тем или иным финно-угорским народом. Лишь *тырыс* «кузовок, кузовок из бересты», «туес, туюсок» можно отнести к общепотребительным словам.

В целом, если взять весь объем слов, заимствованных из финно-угорских языков, систематизированных нами из различных источников, то их количественный состав на сегодня не превышает 300 слов. Это создает отдельные трудности как при их лексико-тематической классификации, так и при определении степени влияния финно-угорских языков на татарский. Тем не менее исследование выявленных лексических единиц дает возможность проследить их территориальное распространение, степень их употребления в литературном языке, семантическое оформление слова в историческом развитии и на современном этапе. Лексико-семантические группы выступают как показатели важнейших социально-исторических процессов, происходивших в ходе формирования народа. Они являются ярким примером того, как изменения культурно-исторических условий жизни влияют на состав определенной лексической группы.

Summary

I.S. Nasipov. Finno-Ugric Borrowings in Tatar Household Vocabulary.

The article views borrowings from the Mari, Udmurt and Mordva languages in Tatar household vocabulary describing the names of household units, furniture, dishes and house utensils. All lexemes analyzed are used only in dialects.

Key words: language contacts, borrowings in the Tatar language, Finno-Ugric borrowings, Mari borrowings, Mordva borrowings, Udmurt borrowings.

Литература

1. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – Т. 1. – 470 с.
2. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1964. – 355 с.
3. Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 188 с.
4. Арсланов Л.Ш., Исанбаев Н.И. К вопросу о марийских заимствованиях в татарском языке // Сов. финно-угроведение. – 1984. – № 2. – С. 104–114.
5. Лыткин В.И., Гуляев В.И. Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – 386 с.
6. Әхмәтҗанов Р.Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: 4 т.– Бирск: БГСПА, 2005. – Т. 1. – 233 б.
7. Баязитова Ф.С. Взаимовлияние татарского и удмуртского языков в говорах причепецких татар // Пермистика-2: Вихман и пермская филология / Отв. ред. В.К. Кельмаков. – Ижевск: Удмурт. НИИЯЛ, 1991. – С. 126–132.
8. Махмутова Л.Т. Некоторые наблюдения над лексикой мишарских говоров (К мишарско-мордовским взаимосвязям) // Вопр. лексикологии и лексикографии татарского языка / Отв.ред. Л.Т. Махмутова. – Казань: КФ АН СССР, 1976. – С. 152–159.
9. Мордва-каратаи: язык и фольклор / Отв. ред. Д.Б. Рамазанова. – Казань: ИЯЛИ, 1991. – С. 71–85.
10. Хайрутдинова Т.Х. Бытовая лексика татарского языка (посуда, утварь, предметы домашнего обихода). – Казань: ИЯЛИ, 2000. – 128 с.
11. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – Т. 2. – 509 с.

12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 671 с.
13. *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. – Киев: Радянська шк., 1989. – 511 с.
14. *Бурганова Н.Б.* Говор каринских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии / Отв. ред. Л.Т. Махмутова. – Казань: ИЯЛИ, 1962. – Вып. 2. – С. 19–56.
15. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Универс, 1994. – Т. 2. – 912 с.
16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 3. – 831 с.
17. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. – Новосибирск: Наука, 2003. – 788 с.
18. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Универс, 1994. – Т. 4. – 864 с.
19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 4. – 863 с.
20. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. – Москва, Новосибирск: Наука, 2000. – 783 с.

Поступила в редакцию
11.03.08
Переработанный вариант
09.06.08

Насипов Илшат Сахиятуллович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой татарской и чувашской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии.

E-mail: nasipov2004@rambler.ru